

K556/49

ХІ С'ЕЗДУ
ПРИВЕТ
КОМСОМОЛА!

Рис. И. СЕМЕНОВА

— Друзья! Подводя итоги своим героическим делам и намечая будущие героические планы, не упускайте из виду и моих «героев»!

КРОКОДИЛ

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

На круглые пять!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ВЕЧНО ЮНЫЙ

Есть юнец на свете этом
(Всем знакомый человек),
Обладающий секретом,
Как не стариться вовек.

Мчатся годы над землёю
Бесконечной чередой,
Он же телом и душой
Всё такой же молодой.

Побеждая рвы и кручи,
Он идёт в рядах бойцов
Под водительством могучей
Партии большевиков.

Он в боях с врагом Отчизны
Был повсюду впереди,

Бодрый, смелый, полный жизни,
С сердцем пламенным в груди.

Он на фронте пятилетки
Проявил себя везде.
По рекордам может редкий
Обогнать его в труде.

К песне жадный, к делу строгий,
Всё вперёд, вперёд, вперёд
Он по Сталинской дороге
Знамя Ленина несёт.

Вереницей мчатся годы,
Но среди великих дел
Наш юнец — дитя народа —
Ни на миг не постарел.

Слиться в нём навек сумело
Всё, чем юность хороша:
Бодрость духа, сила тела
И красивая душа.

Стал юнец для коммунизма
Нестареющим бойцом,
И любитесь Отчизна
Молодым его лицом.

К песне страстный, к делу строгий,
Всё вперёд, вперёд, вперёд
Он по Сталинской дороге
Знамя Ленина несёт.

Так живёт на свете этом
Всем знакомый человек,
Обладающий секретом,
Как не стариться вовек.

Как же звать бойца такого,
Сына фабрик, шахт и сёл?

Вся страна
Юнца родного
Именует
КОМСОМОЛ.

ПОХОРОНЫ ПУСТЫНИ

I. НАЧАЛО ПУТИ

— Стало быть, отправляетесь в пустыню?
 — Да. В Голодную степь.
 — Ну и ну! Крокодил в пустыне! Умора!
 Наш собеседник, рыхлый мужчина, представитель вымирающего ныне племени толкачей, прижал к груди скрипучий портфель и затрясся в припадке беззвучного смеха:

— Милые, да что вам делать в пустыне-то? Бюрократы там не водятся, подкалмы не произрастают, расхитителя с прожектором не сыщешь! Чем же вы будете заниматься? Учётом змеиного поголовья? Наблюдением за передвижкой песков? Регистрацией миражей?

Мы почувствовали, что для престижа журнала нам следует немедленно ответить по возможности остроумной и колкой тирадой. Но радио объявило о посадке на ташкентский самолёт, и все устремились к выходу.

Когда улеглись посадочные страсти и «ИЛ-12», мирно урча, летел над облаками, скрывавшими землю, разговор возобновился.

— Что есть Голодная степь? — авторитетно начал знаток пустынь. — Возьмите обыкновенный город, вычтите из него жилой фонд, учреждения, кино, деревья и киоски. В остатке получим голую землю. Затем приплюсуем жару, песок, ветер, скорпионов, змей, фаланг и шакалов. Сбалансировав. Итого получается пустыня, то бишь, Голодная степь.

Мы позволили себе усомниться в достоверности выкладок нашего собеседника.

— Не верите? — сказал он. — Хорошо. Начнём по порядку. Начнём с жары. Знаете ли вы, что такое жара в пустыне? Нет? Так вот, узнайте!

Он протянул нам коричневую книжицу. На обложке мы прочли:

«Б. Федорович
 ЛИК ПУСТЫНИ

Госкультпросветиздат. 1948 г.».

— Читайте главу «Раскалённый песок».
 «...Мы сидели как-то днём в палатке. Вдруг раздался крик нашего зоолога: «Ловите зайца!». Все выбежали и увидели зайца, промчавшегося в сторону одного из ближайших кустов. Мы бросились за ним... Минуты через три, когда один из нас подбежал к «очередному» кусту, заяц отчаянно заверещал, но даже не сделал попытки удрать и был взят, что называется, голыми руками... Наш заяц так сильно обжёг себе лапки, что не смог сдвинуться с места».

История с зайцем сильно потрясла наше воображение. Мы и не подозревали, что жара в пустыне настолько велика, что даже привычные к ней зайцы не могут передвигаться по земле. Как же будет нам?!

II. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Всё же мы прибыли в Ташкент, преисполненные величайшей решимости пробиться любыми средствами к центру Голодной степи. С аэродрома сразу же отправились в ЦК комсомола Узбекистана, так как знали, что узбекские комсомольцы давно интересуются пустынями.

— Экспедиция Крокодила направляется в Голодную степь! — не без торжественности сообщили мы заведующему сельхозотделом ЦК товарищу Шайхову.

— В Голодную степь?!

— Не отговаривайте нас. Дело решённое! Опасности нам не страшны! Экспедиция пробьётся к центру пустыни любой ценой!

— Зачем же любой? — улыбнулся Шайхов. — Цена одна. И не дорогая: за сорок рублей поезд довезёт вас до Мирзачуля — центра Голодной степи.

— В песках принято передвигаться на верблюдах, — не совсем уверенно начали мы. — Верблюд, как никак, — «царь пустыни»...

— Можно и на верблюдах, всё же лучше поездом... Кстати, вы там будете не одиноки: в Голодную степь из Андижана, Ташкента, Ферганы, Кашка-Дарьи выехало десять тысяч комсомольцев.

— Десять тысяч туристов?
 — Нет, десять тысяч энтузиастов. Они там будут разводить хлопок. Разбивать сады, виноградники. Строить дома, проводить каналы. Словом, комсомольцы едут осваивать голодностепские земли.

Нам оставалось лишь купить железнодорожный билет и распрощаться с романтической мечтой о верблюжьем караване, бредущем по знойному безмолвию сыпучих песков.

III. О МИРАЖАХ

В Мирзачуле и впрямь не пришлось жаловаться на одиночество. Здесь, пожалуй, было даже слишком шумно для пустыни. К сведению составителей географических учебников, Мирзачуль отличается от прочих районных центров нашей страны:

а) повышенным ритмом жизни,
 б) интенсивным автомобильным движением.

Улица, где находился переселенческий штаб, содрогалась от рёва моторов и воя автомобильных клаксонов. Мы воздали хвалу московскому ОРУД, выковавшему из нас умелых пешеходов.

Утром экспедиция отправилась в глубь Голодной степи, надеясь увидеть хоть кусочек подлинной пустыни. Право, это желание нельзя было назвать нескромным, если учесть, что Голодная степь разместились на площади более чем девять миллионов гектаров.

Вскоре на горизонте, в колеблющемся от зноя воздухе, возникла голубая лента воды, затем воздушное здание с колоннами.

Вот он, мираж! Чудесное видение пустыни!

— Замечательное зрелище! — восхитились мы. — Как в сказке! — Да, неплохой дом, — согласилась наша спутница, комсомолка Тамара Курышева, — это — правление колхоза «Кзыл дехкан».

Лицевать в пустыне изящный дом с колоннами, со скульптурами у входа, с цветником перед фасадом доводится не каждому путешественнику. Не каждый исследователь встречал в пустыне гидростанцию на сто шестьдесят киловатт, клуб на семьсот мест, картинную галерею с десятками прекрасно выполненных полотен. Вот почему нам пришлось поставить вопрос ребром: что же, наконец, следует понимать под пустыней?

Ответ последовал незамедлительно. Бухгалтер колхоза «Кзыл дехкан» придвинул счёты и, отбрасывая костяшки, неторопливо начал:

— Пустыня для нас — это горы хлопка — раз. Табуны лошадей, отары овец — два. Составы с яблоками, грушами, урюком, дынями и виноградом — три. Это колхозный доход в два с половиной миллиона рублей.

Мы вспомнили о соседе по самолёту. Где вы сейчас, знаток Голодной степи?

Всё же нам удалось увидеть кусочек подлинной пустыни. Далеко за пределами колхозной усадьбы лежала голая земля, вся в белых пятнах соляных выцветов.

— Неплохая земля, — раздался молодой голос.

— Возьмём тридцать пять центнеров хлопка с га! — добавил другой.

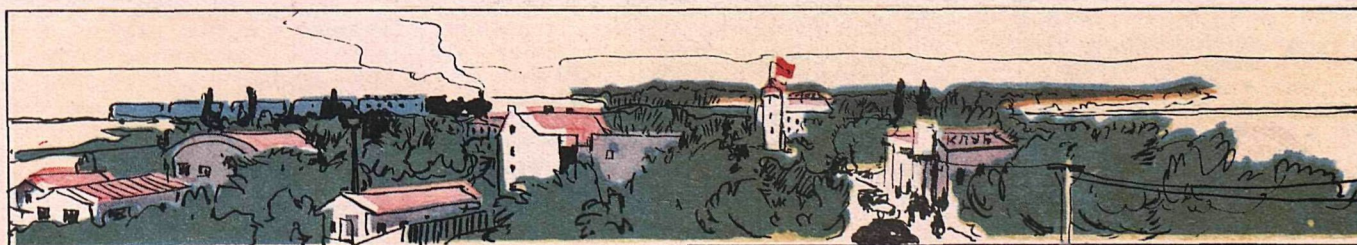
— Сорок, не меньше! — уверенно заключил третий.

Уверенные голоса принадлежали Дехкамбаю Батырову, Керимжану Сатвалдиеву и Эркабаю Юлчиеву. Это были три комсомольца из числа десяти тысяч, прибывших по зову узбекского комсомола осваивать степь и... хоронить пустыню. Да, нам стало окончательно ясно, что мы присутствуем при похоронах пустыни. И это было самое значительное открытие, сделанное географическим рейдом Крокодила, о чём незамедлительно сообщаем всем географическим обществам, всем плавающим и путешествующим, а также читателям нашего журнала.

С. ПАТРОВ

(Специальный корреспондент Крокодила)

Голодная степь.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюблённых в меня,
И первый из них,
Из близких моих,
Говорит, поглядев за порог:
— Когда парню идёт
Двадцать пятый год,
Он едет на Дальний Восток.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идёт,
Какая там тайга,
И через всю тайгу течёт
Могучая река!

В Дальневосточный славный край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай,—
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюблённых в меня,
И, помедлив, второй,
Чуть смутясь предо мной,
Говорит неожиданно вдруг:
— Когда парню идёт
Двадцать пятый год,
Он едет на солнечный юг.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идёт,
И нет страны теплей,
И счастлив тот, кто век живёт
В Армении моей!

Тебя прошу я: в этот край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай,—
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюблённых в меня,
Так с кем же в пути
Соглашусь я идти?
И друзьям говорю я, смеясь:
— Мне сегодня пройдёт
Девятнадцатый год,
И я тоже в поход собралась.

Обоим вам скажу в ответ,
Что лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идёт,
Там жизнь кипит ключом,
Тому, кто в том краю живёт,
Все беды нипочём!

Я уезжаю в этот край,
Его название угадай!
Но я скажу одно:
В стране Советской каждый край —
Серебряное дно!

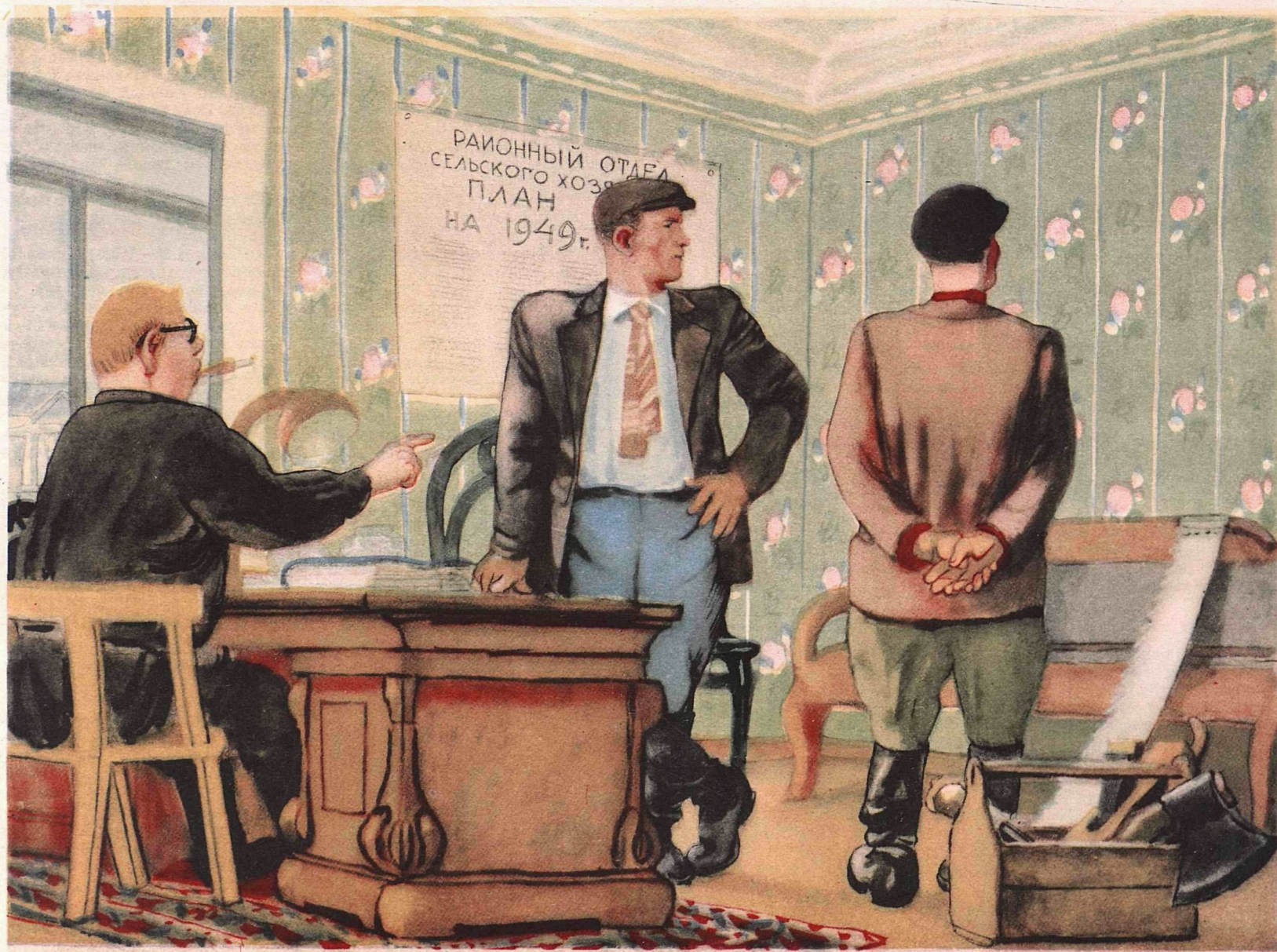

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО

— Срочно прорубите в этой стене окно, чтобы мне удобнее было наблюдать за севом!

Рис. Л. БРОДАТЫ

НЕПУТЕВАЯ ДОРОГА

— Где тут дорога на Карповку? Слева или справа?
— Ни слева, ни справа, товарищ, а внизу, под водой!

ЗАТОВАРЕННЫЕ МАМОНТЫ

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ — наука о давно вымерших животных и ископаемых растениях. Она имеет дело с окаменелостями.

Ветлуга — районный центр Горьковской области. Возможно, если хорошенько порыться, то и здесь удастся обнаружить в недрах земных бивень мамонта или окаменелый хвостовой позвонок ихтиозавра. Как знать?

Но ветлужане раскопок не ведут. Они выращивают хлеб, поставляют лес, перевозят грузы по реке, а палеонтологией в массе своей специально не интересуются. Однако в последнее время их усиленно ориентируют на то, чтобы они вплотную занялись этой сложной наукой.

Вот приходит колхозник в районный магазин Когиза и просит книгу о птицеводстве. Ему тут же предлагают и нечто другое:

— Мамонтами не интересуетесь?

— Не приходилось, — говорит покупатель. — Мамонтовых ферм при колхозе не держим.

— Жаль, жаль! А у нас вот литература по данному виду скота имеется. Может, всё-таки купите экземплярчик?

Так уже в течение целого года местные деятели книжного прилавка усиленно, но безрезультатно навязывают колхозникам книгу Илларионова «Опыт историографии палеолита СССР».

Эта книга, возможно, представляет определённую ценность для специалистов-па-

леонтологов. На полках же ветлужского книжного магазина она медленно, но верно превращается в окаменелость.

Вскоре, не ограничившись мамонтами, областное издательство ошастливило торговую сеть новым чрезвычайным сообщением:

— Выпущена в свет брошюра о льне-долгунце.

— Помилуйте! — возопила сеть. — У нас уже есть эта брошюра! Московского издания! Два года лежит!

— А у нас она предусмотрена планом, — последовал неумолимый ответ. — Распространяйте!

И вот плачевные, но вполне понятные результаты: в настоящее время в книжных магазинах Горьковской области образовались залежи неходовых книг на солидную сумму — около 5 миллионов рублей.

Как известно, опытные палеонтологи по двум — трём характерным косточкам могут восстановить точный скелет доисторического существа. Вероятно, они сумеют сделать и другое: по нескольким образцам бумажных окаменелостей, загромождающих полки горьковских книжных магазинов, воссоздать облик издательских работников, которые игнорируют запросы широких кругов читателей и элементарные основы книжной торговли.

А. ЕРОХИН

г. Горький.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ПЛЕННИКИ БЕЗГРАМОТНОСТИ

В городе Калинин родители перепугались: что-то недоброе случилось с ребятами. Были дети как дети, говорили и писали по-русски правильно, грамотно. Но вдруг залопотали неведомо по-каковски:

«Буйная, рыжая, плохо расчёсанная причёска... Его грустные думы были невесёлые... Тесак для колки дров вместе с печкой... Из-под шапки шёл лоб... Услышал послышавшееся гудение... Ребята стали встревоженные... Смущение, что он солгал другу... Солнце перевалило за полдень... Стены, которые бы никто не мог перелезть...»

И писать дети стали с ошибками:

«На лево. Чтобы то ни было. Перломутр. Абардаж. Не поймал не одной. Раздалось два гудка».

Родители «стали встревоженные». Спрашивали:

— Чему же вас учат в школе? Почему вы так говорите и пишете? Надо художественную литературу читать, по ней учиться!

Дети отвечали:

— А мы читаем. Вот: «Пленники моря», повесть для детей. Автор А. Власов. Издательство калининской газеты «Пролетарская правда». Редактор А. Дубаев. Говорим и пишем мы так, как в этой книге напечатано.

Просмотрев книгу, родители поллобпытствовались:

— А чему же учили редактора?

Любопытство, которое нельзя назвать праздным.

ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

Гражданин Т-н спешно проследовал в Тульский центральный родильный дом, чтобы осведомиться о здоровье своей жены и о том, родила она уже или ещё нет. Дежурная медсестра Савельева, заглянув в регистрационную книгу, ответила:

— Всё в порядке, поздравляю с сыном.

Вернувшись домой, счастливый отец застал там свою сестру. Она встретила его возгласом:

— Поздравляю с дочкой! 3 кило 180 граммов! Только что справлялась.

Удивлённый отец противопоставил этой справке свою: сын 3 кило 800 граммов. Не придя ни к какому соглашению с сестрой, он снова направился в родильный дом. Там врач и старшая сестра установили, что медсестра Савельева, давая ему справку, заглянула не в то место книги, в какое было нужно заглядывать.

Через несколько дней счастливая мать возвратилась к счастливому отцу. Вместе с дочкой. Любовно оглядывая дочку, отец вдруг воскликнул:

— Как же так?.. На номерке, который к её ручке привязан, написано, что она родилась шестого числа. А ведь это было четырнадцатого!..

Он снова проследовал в родильный дом. Там заведующая Меркулова разъяснила ему, что акушерка Кодюкова допустила неточность, но что беспокоится он напрасно: всё равно ведь это его, а не чья-нибудь дочка.

И в самом деле: что за беспокойный народ — родители! Ведь не беспокоятся же ни заведующая, ни акушерка, ни медсестра, хоть некоторые и стараются беспокоить их из-за всяких пустяков.

ДОРОГИЕ СОСУЛЬКИ

Ежегодно, если ночи холодные, на железнодорожных путях завода имени Ворошилова (в Донбассе) кипит горячая работа. Занимаются ею начальник станции, его заместитель, диспетчеры, весовщики, грузчики и прочие заводские железнодорожники.

Работа эта не совсем соответствует их должностям и специальностям: она сводится в основном к сбиванию сосулек с вагонов.

Зачем? Почему?

Вагоны грузятся мокрыми доменными шлаками, отправляемыми на цементные заводы. Из вагонов текут ручьи и превращаются в увесистые сосульки. Не успевшая замёрзнуть вода заливает пути и стрелки, где и замерзает.

Люди работают. Вагоны стоят. Вместо сбитых сосулек вырастают новые. Обледеневшие пути становятся путями не сообщения, а разобщения. Цементные заводы остаются без необходимых им шлаков. Завод имени Ворошилова уплачивает железной дороге крупные штрафы. Дорогие сосульки!

Можно было бы обойтись и без сосулек и без порождаемых ими явлений, если бы завод организовал полусухую грануляцию доменных шлаков. Но директор тов. Гмыря и другие руководители завода воздерживаются от этого мероприятия.

Зачем оно им? На них из вагонов не каплет, сосульки сбивают по ночам не они. План погрузки ими выполняется, и сводка о ней передаётся. Штрафы уплачиваются. Чего ещё требовать от занятых людей? А если что и не так, то виноваты не они, а сосульки.

Рис. Л. СОИФЕРТИСА

— Дорогой соседка, ваш сынок хулиганит, вы его плохо воспитываете!..

— Кто — я? Плохо воспитываю? Неправда! Я его неделями в глаза не вижу!

БУКЕТ БАБУШКИ УЛИТЫ

В ЭТОМ фельетоне пойдёт речь о бабушке Улите.

Таинственная старушенция, которая куда-то едет, но неизвестно, когда будет, к сожалению, жива и здорова.

Она мелькает то здесь, то там — в разных обликах и в разных личинах.

В Ростове на Дону она трудится в почтовом ведомстве; в Челябинске разбирает жалобы трудящихся в областном управлении юстиции; в финансовом отделе Южно-Донецкой железной дороги рассматривает претензии пассажиров.

Но где бы ни числилась в штате эта древняя и вредная старушка, — её жизненный принцип везде одинаков: не спешить.

И старушка, действительно, не спешит!..

Вот они, цветочки из её букета.

* * *

Житель Ростова на Дону гражданин Огинц 7 мая 1948 года опустил в почтовый ящик письмо, адресованное в г. Кизнер, Удмуртской АССР.

Письмецо пролежало на Ростовском почтамте 9 месяцев и 9 февраля 1949 года благополучно вернулось назад к гражданину Огинцу — к вящему удивлению последнего.

Как явствует из почтовых штампов на конверте, письмецо из Ростова никуда не отправлялось. Оно попало в долгий ящик к почтовой бабушке Улите, где и провело весну, лето, осень и половину зимы. Как говорится: покойся, милый прах, до радостного утра!

А ведь письмо важное, деловое!..

* * *

Житель города Славянска гражданин Баскаков 15 марта 1947 года послал претензию в финансовый отдел Южно-Донецкой железной дороги, требуя возврата неправильно полученных с него 105 рублей за перевозку домашних вещей.

Железнодорожная бабушка Улита сунула претензию гражданина Баскакова в железнодорожный долгий ящик, где она и пролежала весь 1947 и весь 1948 годы.

Только 31 января 1949 года южно-донецкая Улита сообщила Баскакову, что его претензия не может быть удовлетворена потому, что он, Баскаков... пропустил законные сроки подачи жалобы!..

* * *

Житель города Копейска инвалид труда Лидерс 28 сентября 1948 года послал жалобу в Челябинск, в областное управление юстиции.

От Челябинска до Копейска поезд идёт два часа.

Ответ на жалобу инвалида Лидерса тащился 3 месяца и 22 дня.

Ответ был такой: «Вы направили жалобу не по назначению, вам надо обращаться в областной суд».

Но чтобы добиться даже такого ответа из уст челябинской бабушки Улиты, инвалид труда Лидерс в разное время направил в Челябинск семь драматических писем-запросов. Он писал и непосредственно в управление юстиции и в газету «Челябинский рабочий», которая по мере своих сил тормозила ленивую бабку.

Бабка эта, кстати сказать, состоит в чине заместителя начальника управления юстиции Челябинской области, она мужского пола, и фамилия у неё Остроущенко.

* * *

...Мы живём в эпоху больших скоростей и быстрых свершений. Многие передовики промышленности и сельского хозяйства доблестным своим трудом обогнали само время.

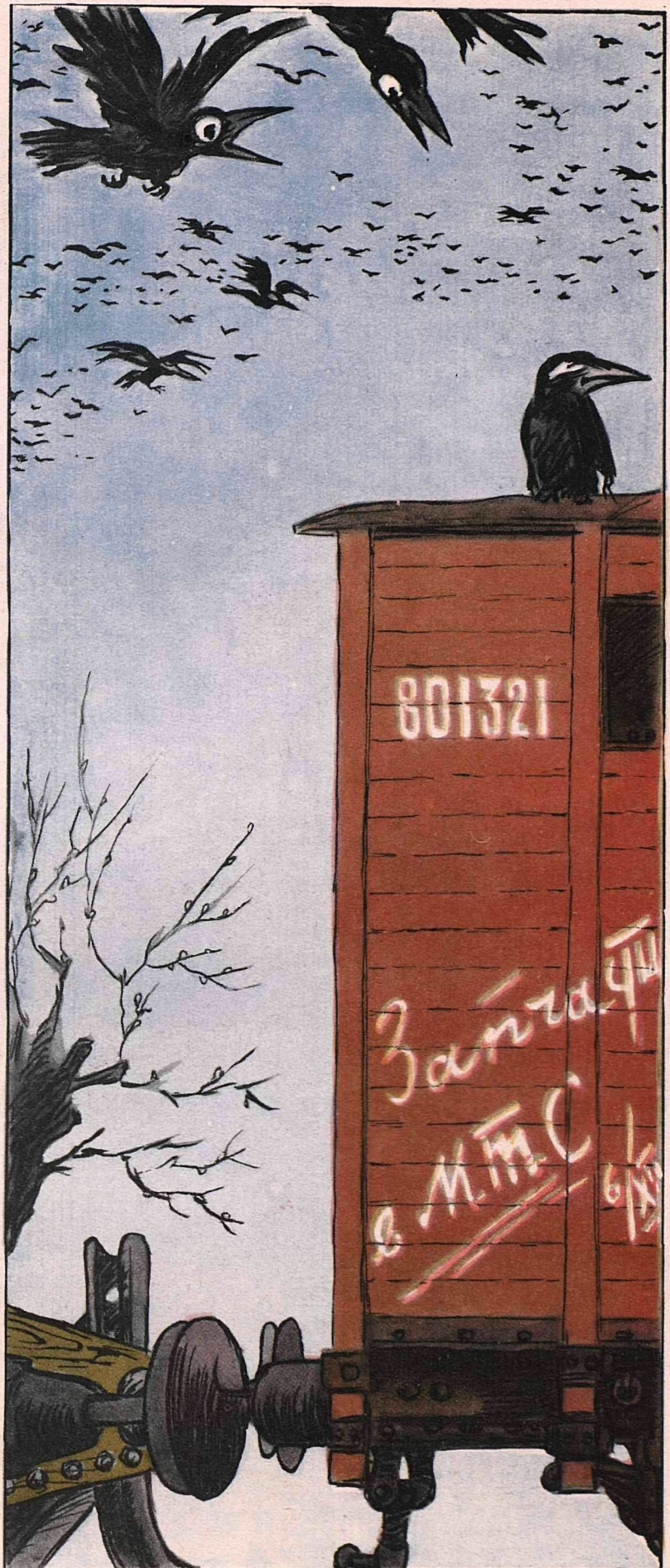
У них — свой календарь, свой счёт выполнения планов сталинской пятилетки. Они живут уже в тысяча девятьсот пятидесятом, а то и в пятьдесят первом году.

В свете этого дела нетерпимы проделки многоликой бабушки Улиты. Старая салонница не только проявляет хамское, бюрократическое неуважение к простому советскому человеку, — она не бережёт, не ценит его время. А это — преступление.

Пора во весь голос сказать трижды проклятой Улите:

— Слезай, бабка, приехала! Слезай и убирайся вон! Чтобы духу твоего не было в нашем советском доме.

Леонид ЛЕНЧ

Из-за неповоротливости железных дорог запасные части в некоторые машинно-тракторные станции поступают крайне медленно.

(Из газет.)

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Чудак — этот грач! Не понимает, что на этом вагоне он только к осени доберётся до места назначения!

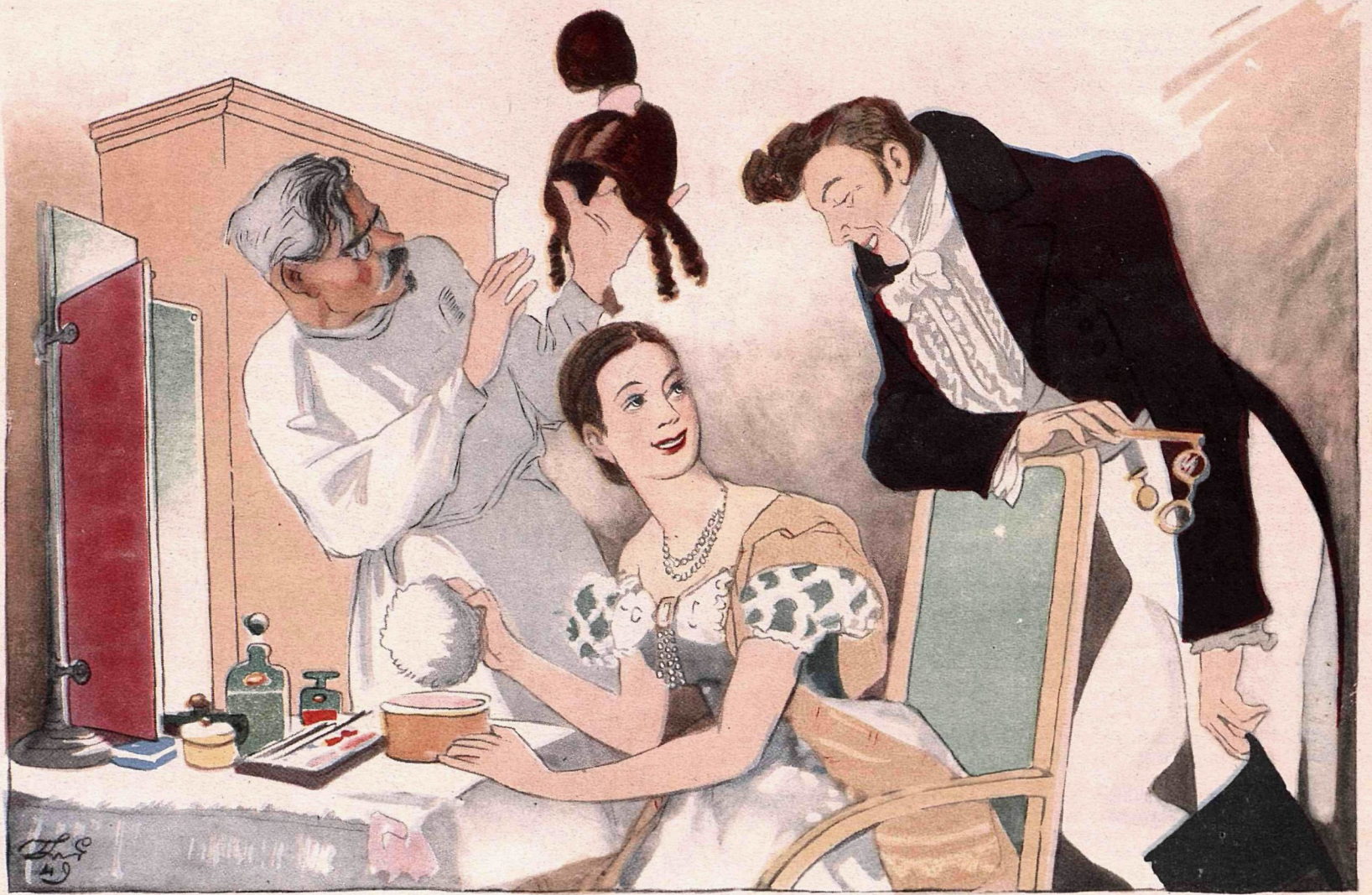

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Из среды театральной молодёжи выдвинулась новая плеяда талантливых артистов.

— Онегин, я теперь моложе
И лучше, кажется!..
— Я — тоже!

ЭПИГРАММЫ

МОЯ ХАТА С КРАЮ

Он каждому из нас знаком.
За партой он ли, за станком,—
Я этого не знаю,
Но без особого труда
Его найдёте вы всегда
В известной хате с краю.
Там свято бережёт он свой
Ненарушаемый покой
И личные заботы.
А главная из всех забот —
Уйти как можно дальше от
Общественной работы.
Он в комсомольский комитет
Приходит только на предмет
Уплаты членских взносов.
Уплатит, застегнёт пиджак
И на глазах растает, как
Дымок от папиросы...

ОДИН В ПОЛЕ...

За всё берётся он ретиво
И заменяет весь актив.
Но у подобного «актива»
Дела, признаться, не ахти!

ГРОМОВЕРЖЕЦ

Решает просто он вопросы:
Весь день из-под его пера
Летят во все концы «разносы»
И строгие «выговора».

В. БАХНОВ

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

Поэту Светлову
И слава и честь:
Гренадская область
В поэзии есть.
Но слышал я много
Читательских жалоб
О том, что её
Расширять не мешало б!

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

Скажу я коротко о нём:
От дряхлости он знает средство
И молодеет с каждым днём,
При этом не владая в детство.

ЯН САШИН

ОСОБОЕ ИСКУССТВО

Высокое служение искусству требует, как известно, того, чтобы человек всего себя отдал любимому творчеству, будь то театр, кино, музыка, литература или живопись.

Но есть другое, особое искусство, и есть особые его ревнители.

Мы с ними можем встретиться и познакомиться в г. Челябинске, в центральном клубе строительства Челябинметаллургстрой.

Чувствуют себя эти люди в клубе, как дома; их даже можно отчасти уподобить одному трагическому актёру, восклицавшему:

— На сцене я живу!

Со своими семьями проживают здесь директор клуба Гральник, электромонтёр Куцемакин, завхоз Валендер, организатор самодеятельности Келлер и некая Рыжова, вселённая на жительство в клуб председателем стройкома Будриком.

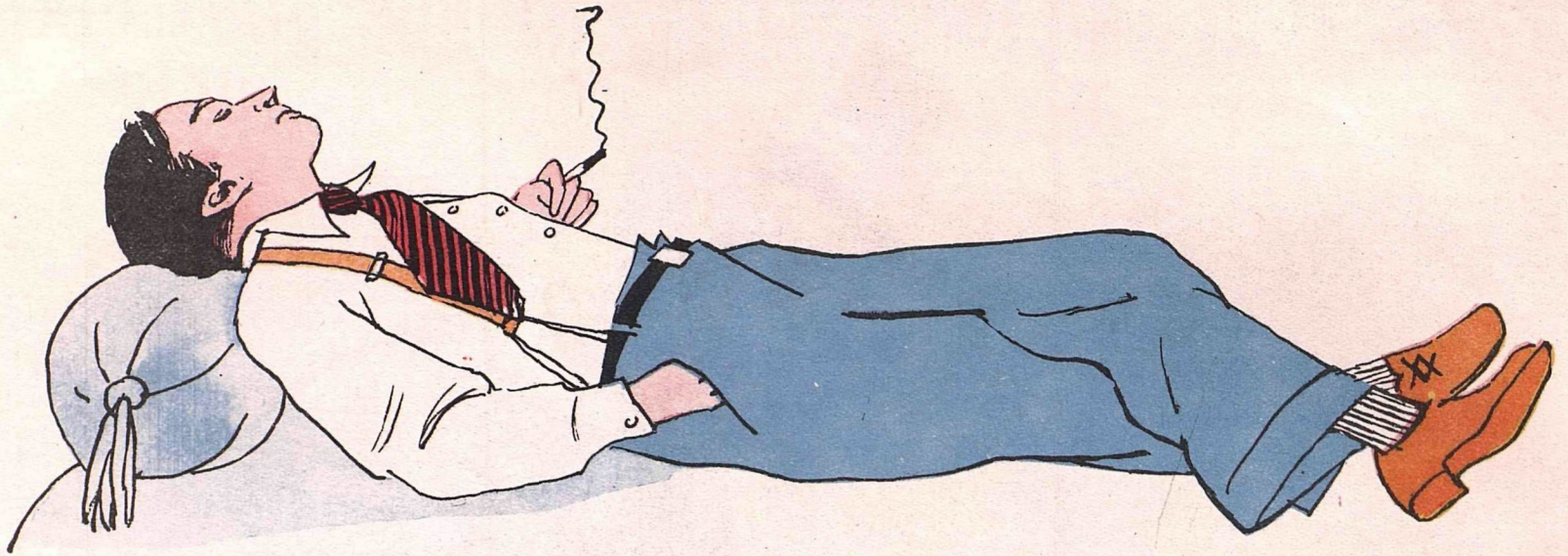
Клуб теперь бездействует.

Но что за дело до этого стройкому и тем более ревнителям и обладателям особого «искусства» — искусства устраиваться!

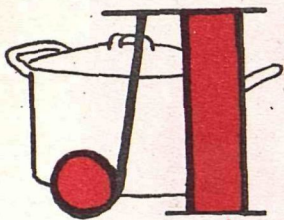

Рис. Ю. ГАНФА

ЗАОКЕАНСКИЙ СТЕРВЯТНИК: — Мои перьями писали!..

ФЕОДАЛ

И ЭТОМ прошлого года, ко-
леся по южным районам
Украины, я оказался в
Карцеве. Дом приезжих
был закрыт по случаю
капитального ремонта,
поэтому мне волей-нево-
лей пришлось отправиться
с чемоданом в райком
комсомола.

— Вы на уборочную? — спросил секретарь.

— Так точно.

— Это хорошо. Урожай у нас богатый. И насчёт ночлега не беспокойтесь. Обеспечим. У нашего учстата большая квартира.

Я не любил останавливаться в командировках на частных квартирах, поэтому, показав на райкомовский диван, я сказал секретарю:

— Разрешите остаться здесь?

— Зря отказываетесь, — сказал секретарь. — Здесь жёстко и неудобно. Кроме того будет неплохо, если вы поближе познакомитесь с нашей Наденькой и как следует проберёте её.

— За что?

— За отсталость во взглядах. По паспорту Наденьке двадцать лет, а по образу мыслей — это давно прошедшее время. Работает она, как департаментский чиновник: от сих до сих. В девять приходит, в пять уходит.

— Она всегда работала так?

— Нет. Прежде Надя была другим человеком. Пела в хоркружке, стометровку бегала за тринадцать с половиной секунд. А сейчас ни о чём, кроме домашнего хозяйства, и думать не желает. И откуда такая метаморфоза? Муж у неё — активист, танцор, весельчак. Ну что там говорить — душа общества! Мы его недавно председателем районного комитета физкультуры выдвинули.

В этом месте стенные часы в кабинете секретаря заворчали, заохали и стали гулко отбивать время. И вместе с пятым ударом из дверей райкома вышла на улицу высокая белокурая женщина.

— Она, — сказал секретарь и, открыв окно, крикнул: — Наденька, на минуточку!

Надя подошла.

— Вы не могли бы приютить у себя на два — три дня вот этого товарища?

Повидимому, секретарь райкома не раз обращался к своему учстату с такой просьбой, поэтому учстат не удивился и сказал:

— Да, конечно!

Так я познакомился с Наденькой и сразу же подвёл её. Пока я прощался с секретарём и договаривался с ним о завтрашней поездке в колхоз, прошло минут двадцать, а эти минуты имели, оказывается, весьма немаловажное значение в семейной жизни учёного работника райкома комсомола. За это время Наде нужно было дойти до дома, накрыть на стол и разогреть обед, чтобы её супруг, явившись с работы, мог без задержки приняться за еду.

И вот я выбил Наденьку из расписания. В этот день первым явился домой муж. Стол оказался ненакрытым. Муж дождал пять минут, десять, Наденьки всё не было. Вместо того чтобы пойти на кухню и разжечь керосинку, Виктор Жильцов трагически опустился на диван и стал безнадежно смотреть в верхний угол комнаты. Прошло ещё пять минут, безнадежность не рассеивалась, и «душа общества», обречённо махнув рукой, лёг на диван лицом к стенке. Ему казалось, что со времени его прихода домой прошло не пятнадцать минут, а пятнадцать суток, что голод сделал уже своё страшное дело и он, Виктор Жильцов, доживает сейчас свой последний час. От этих мрачных мыслей ему стало жаль самого себя, молодого, весёлого, которому приходилось погибать из-за легкомысленного отношения жены к своим семейным обязанностям.

А жена в это время, подстёгиваемая угрызениями совести, входила уже в комнату.

— Знакомься, — сказала она мужу и

представила ему некстати забредшего квартиранта.

Виктор вскочил с дивана и, растерянно протянув мне портсигар, сказал:

— Курите.

Пока мы курили, Наденька успела разжечь керосинку и разогреть обед. В половине шестого Виктор Жильцов занял место за столом и взялся за ложку. С опозданием на двадцать минут жизнь в этом доме вошла в свою обычную колею. Борщ супруги ели молча. После борща муж задал жене первый вопрос:

— А как моя зефирная рубашка?

— Уже выстирана, мне осталось только прогладить её.

Виктор нахмурился, затем не выдержал и сказал:

— Ты же знала, Наденька, сегодня в клубе лекторий.

Наденька отодвинула тарелку с недоеденной котлетой и ушла на кухню разогреть утюг. Виктору стало неудобно, и для того, чтобы оправдаться, он сказал:

— Женщина она неглупая, а вот простых вещей не понимает. По четвергам в лекторий собирается весь город. Там и райкомовцы и работники райисполкома, и мне нельзя идти туда не в свежевывутой рубашке.

Но эти оправдания не прибавили мне аппетита. Есть почему-то уже не хотелось. Когда Виктор закончил все счёты со вторым и третьим блюдами, зефирная рубашка была уже выглажена. Виктор бережно забрал её из рук супруги и ушёл в соседнюю комнату переодеваться. Наденька снова пододвинула к себе тарелку. Но котлета уже остыла, да и сидеть за столом одной было не очень уютно, поэтому Надя заканчивала еду без всякого удовольствия.

Акт переодевания в соседней комнате между тем подошёл к концу. Дверь в столовую приоткрылась, на пороге показался красивый, благоухающий Виктор и сказал:

— Я приду в одиннадцать, прощай.

Хлопнула дверь парадного.

— А вы разве не пойдёте в лекторий? — спросил я Наденьку.

— Я пойду, но позже, — ответила Надя и стала торопливо убирать со стола.

Но позже Наде не удалось пойти в клуб. Весь вечер она возилась по хозяйству, штопала, гладила, готовила на завтра обед. Когда Виктор Жильцов пришёл в одиннадцать часов из клуба, его жена только-только успела закончить работу по дому.

— А ты зря не была в клубе, — сказал он. — Лектор приехал из области знающий да и ребята из райкома спрашивали про тебя.

Выпив на ночь стакан молока и закусив его куском пирога, Виктор поцеловал жену в лоб и сказал:

— Смотри, Наденька, отстанешь ты от жизни.

Утром следующего дня, пока муж вставал и одевался, Надя уже ушла на работу. Председатель районного комитета физкультуры сел за завтрак, заботливо приготовленный ему женой. Он лениво ковырнул вилкой в тарелке и сказал:

— Моя мать готовила запеканку не так. Ту с пальцами можно было съесть.

— Так ваша мать была раза в три старше и опытнее, — сказал я.

— Дело не в возрасте. Не тому учат девочек в наших десятилетках. Алгебра, физика... — иронизировал Виктор, — а им надо читать лекции по домоводству и кулинарии.

— Э... молодой человек, а вы, оказывается, феодал.

— Ну вот уже и ярлычок привешен, — обиделся мой хозяин и вышел в переднюю. Но не прошло и минуты, как он, ободнённый, влетел обратно в комнату.

— Вот вы заступаетесь за неё, а она, извольте видеть, даже галош не вымыла.

— Кому — вам или себе? — удивлённо переспросил я.

Виктор смутился, но ненадолго:

— Пусть моет не сама, но организовать это дело — её обязанность. Мне же некогда. Я спешу на работу.

— А она разве не спешит?

— Вот я и говорю, раз она тоже спешит, пусть встанет на час раньше и проявит хоть какую-нибудь заботу о муже.

— На час?

— Что же тут удивительного! Моя мать вставала раньше меня не на час, а на два.

Мне хотелось схватиться с этим барчуком на прямую, но я сдержался и сказал:

— На такую жену, как Надя, грех жаловаться. Она из-за вас отказалась от всего. И от подруг, и от спорта, и от пения.

— Пусть поёт, я не запрещаю.

— Но вы и не помогаете ей.

— Это вы, собственно, о чём?

— Да хотя бы о тех же самых галошах. Возьмите и помойте их. И не только себе, но и ей тоже. Попробуйте хоть раз подмести комнату, принести воды из колодца.

— Ну, нет, увольте! Я ни за что не выйду с ведрами на улицу.

— Почему?

— Это может унижить моё мужское достоинство.

— Да разве в этом мужское достоинство?

— О, вы не знаете, какое на нашем дворе отсталое общественное мнение!

Разговор с председателем районного комитета физкультуры оставил после себя весьма неприятный осадок, и хотя два следующих дня я провёл в колхозах и набрался новых впечатлений — раз бедной Наденьки нет-нет да и возникал перед моими глазами. Наконец я не выдержал и сказал секретарю райкома комсомола:

— Знаете, а мне совсем не нравится этот самый Виктор.

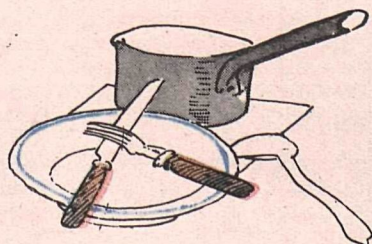
— Почему?

— За отсталость во взглядах.

— Ну, это вы зря! Жильцов активно участвует во всех культурных мероприятиях. Он аккуратно ходит в лекторий, регулярно читает журналы, газеты...

— Значит, плохо читает. И уж если разговор пошёл о людях давно прошедшего времени, то я бы на месте райкома адресовал свои претензии ему, Жильцову, а не его жене.

Сем. НАРИНЬЯНИ

В Болгарии за шпионскую деятельность осуждена группа евангелических священников.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Подсудимый в облачении...

... Он же после разоблачения.

Сергей СМЕРНОВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ СТАНЦИЯ

Как дворец,
величественно встала.
Мрамор. Люстры. Чистый ветерок.
У тебя соседи —
три вокзала,
Узел трёх прославленных дорог.

Ты под бой курантов
день рабочий
Начинаешь рано поутру.
От шести утра до часу ночи
Тишина
тебе не по нутру.

Стар и млад спешат потоком пёстрым.
Говор, топот, суета и смех.
Не в упрек твоим подземным сёстрам
Говорю:
— Ты сердцу ближе всех!

Наша
И воздвигнутая нами,
Ты по-комсомольски молода.
За твоими плотными стенами
Присмирела шумная вода.

А бывало,
В качестве шахтёров
Здесь мы шли навстречу пльвунам.
Сообща сворачивали горы.
Вся страна содействовала нам.

И тогда —
не депутат Совета,
Где вершат верховные дела,
Фёдорова Таня
рядом где-то
Рядовой проходчицей была.

Наконец,
всеобщее веселье
И громоподобное «ура»:
Первый поезд!
В первый поезд сели
Мы, подземной трассы мастера!

Дни летят, как лампочки в тоннеле.
А тоннель
длиннее с каждым днём.
Словно вежи к нашей общей цели,
Станции огнями блещут в нём.

И когда гляжу на эти стены,
Говорю, волненья не тая:
Блеск и скорость метрополитена —
Эта юность
наша и моя!

КОГДА ПРОСНЕТСЯ СПЯЩИЙ

РИМСКОЕ радио поведало на днях всему миру об очередной сенсации, облетевшей Соединённые Штаты Америки. Речь идёт о некоем служащем, проснувшемся после шестилетнего летаргического сна.

Оказывается, этот феномен погрузился в спячку ещё в 1943 году.

«В течение шести лет, — говорится в передаче римского радио, — спящий не от-

крывал глаз, был неподвижен, работа сердца была почти незаметна, лицо было похоже на лицо мертвеца, губы были плотно сжаты...»

Придя в себя, проснувшийся прежде всего спросил, какой теперь год, а затем поинтересовался... ходом войны с Италией.

Таково сообщение римского радио. Медицинской стороной дела пусть займутся

специалисты. Мы же попробуем дополнить информацию некоторыми подробностями, столь вероятными в современной Америке.

...Итак, проснувшийся после шестилетней спячки американец очнулся, поднялся со своего ложа, оглянулся вокруг.

— Какой теперь год? — осведомился он.

— 1949! — поспешили ответить ему.

— О'кэй! — воскликнул янки. — Вот это называется я вздремнул! А как идёт война в Италии?

Окружавшие, конечно, смеются и наперебой сообщают, что война в Италии давным-давно закончилась, что Муссолини повешен.

— Уэлл! Ну, а как Германия, всё ещё воюет? — спросил, далее, воскресший из мёртвых.

— Что ты! Фашистская Германия разгромлена русскими и с мая 1945 года оккупирована союзными войсками...

— Великолепно! А я и не знал! Значит, всё идёт наилучшим образом?

Родственникам и близким становилось явно не по себе. Проснувшийся стал проявлять всё более нездоровый интерес к событиям последнего времени. Родственники растерянно озираются по сторонам, нет ли поблизости сыщика из федерального бюро расследований.

— Не понимаю. Ведь вы говорите, фашисты разбиты, цель достигнута. В чём же дело? Мир у нас или война? Да говорите же!

— Видишь ли, Россия вышла из войны победительницей. Наши миллионеры очень недовольны, что так получилось. И теперь ведётся, так сказать, холодная война...

— Холодная война? Против кого же?

— Против России...

— Да вы с ума сошли! Против прежнего союзника? Нет, вы что-то путаете. Россия, как вы говорите, выдержала основную тяжесть войны и...

— Да что говорить! Пока ты тут спал, родился «план Маршалла», создан западный военный блок, а сейчас подготовлено кое-что почище: Северо-атлантический пакт.

— Но ведь это чорт знает что такое! Лучше бы мне не просыпаться. Эти господа нас до добра не доведут.

— Ты, дружок, полегче. Теперь здесь, в Соединённых Штатах, у стен выросли уши. Уж лучше помолчи...

На следующий день бедняга, едва оправившись от обрушившихся на него новостей, пошёл искать работу. Но везде ответ был один: нет работы! Какой-то горемыка сказал, что сейчас, через четыре года после окончания войны, в США уже снова около пяти миллионов безработных, что близится экономический кризис. В одном из учреждений ему наконец повезло. Нашлась свободная вакансия.

— Ты хочешь получить место клерка? Хорошо! В таком случае дай расписку о лояльности...

— Что это такое? — спросил изумлённо проснувшийся.

— Не притворяйся. Мы тебя насквозь видим. Если ты не намерен покушаться на насильственное свержение существующего строя в Соединённых Штатах, дай нам об этом расписку.

— Что за чертовщина! Я простой человек и хочу работать. Я против войны и военного психоза. Я за дружбу с русскими. Я за мир...

Подвернувшийся шпик из федерального бюро подхватил «бунтовщика» и, быстро накинув наручники, закричал:

— Заткни свою глотку! Ты агент Москвы! Идём в федеральное бюро! Там разберутся.

Но проснувшемуся янки посчастливилось, так как случилось совсем неожиданное. По дороге в полицию он внезапно снова впал в летаргический сон.

Л. АНДРЕЕВ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Медицинская помощь в США настолько дорога, что недоступна трудящимся.

ВРАЧ: — Кошелёк или жизнь!..

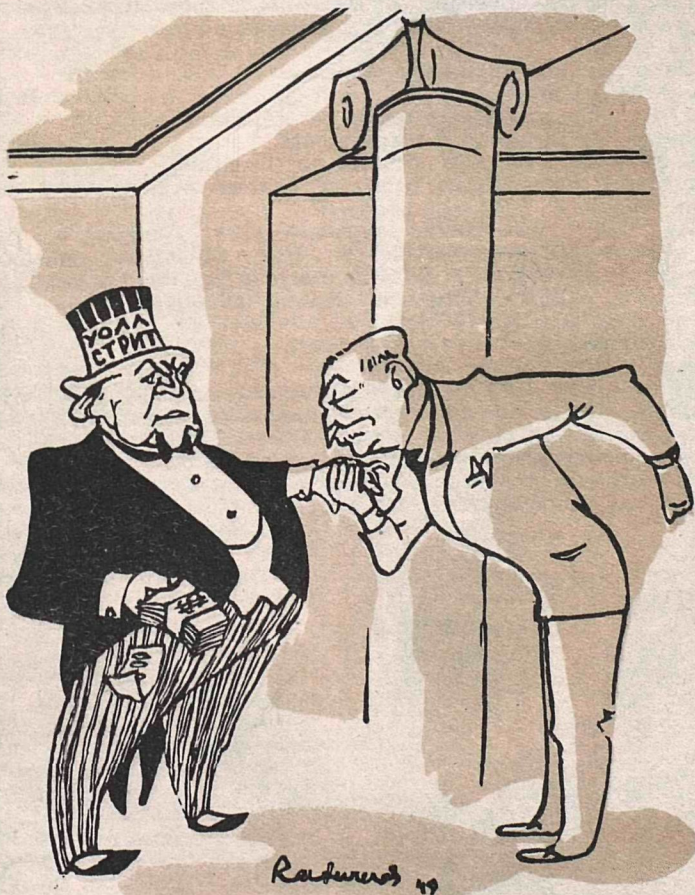
ПО СТРАНИЦАМ РУМЫНСКИХ ГАЗЕТ

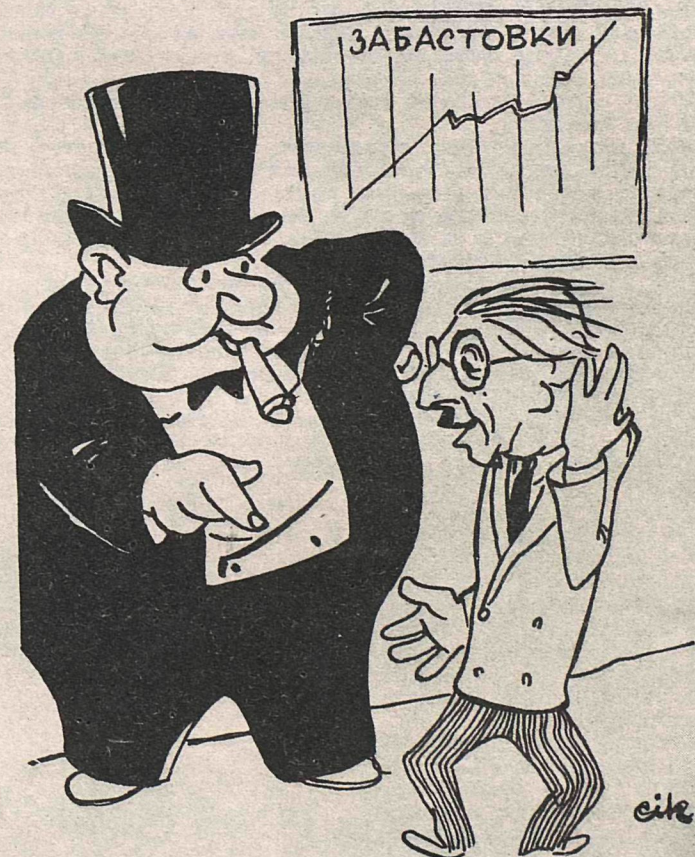
— Вперёд, ребята! Идите насаждать нашу западную «цивилизацию»!
(«Контемпоранум»)

СУДЬБА «ОТЕЛЛО» В США
Джентльмены (повесив чернокожего Отелло) сделали своё дело, джентльмены могут уйти..
(«Флакара»)

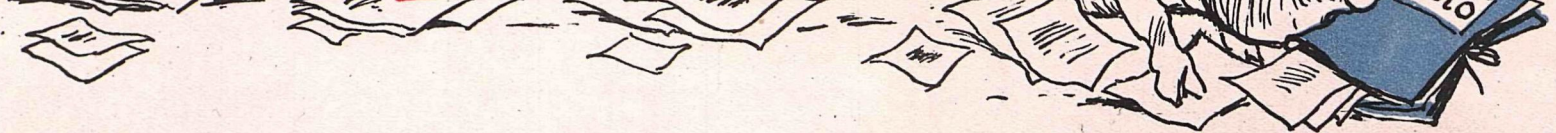

ПРАВОСУДИЕ ВО ФРАНЦИИ
НЕКТО С УОЛЛ-СТРИТА:— Этого хватит на процесс против коммунистов?
НЕКТО ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ:— Не извольте беспокоиться! За эту цену мы им предъявим обвинение в измене родине!
(«Флакара»)

АМЕРИКАНСКИЙ БАНКИР (Жюльо Моку):— Продолжайте ваши расстрелы, господин Мок! Ведь нельзя обездоливать двести банкиров из-за нескольких миллионов рабочих!
(«Флакара»)

Робкие Натуры

Д О ПРИХОДА Григория Лаврова на пост председателя промартели «Путь к социализму» артельщики, не мудрствуя лукаво, обжигали горшки и набивали обручи на дубовые бочки.

Председатель нашёл, что бочкотара и глиняная посуда — не бог весть какое достижение для нашего индустриального века. Он заявил, что артель должна заняться решением более современных и крупных проблем.

Для начала председатель предложил приступить силами артели к сплошной сепаратизации Ново-Анненского района, Сталинградской области.

Владея даром речи, Лавров (он в своё время прошёл курс Саратовского университета и занимал руководящие должности в районном масштабе) нарисовал слушателям пленительные перспективы. Артельщикам уже казалось, что с юга и севера, с востока и запада текут молочные реки, впадая в расставленные на всех направлениях сепараторы и принося артели денежную прибыль и народную благодарность.

Председатель получил согласие пайщиков на покупку партии сепараторов. Для этой цели была взята солидная сумма денег. Захватив с собой бухгалтера Григория Диденко, председатель отбыл в Москву.

Москва в наши дни красна и углами и пирогами. Делегаты артели загостились в столице. Вернувшись восвояси, они представили отчёт на прожитое, съеденное и выпитое. В отчёте была указана сумма немалая — двенадцать тысяч целковых.

Сепараторы привезены не были. Дело в том, что Лавров, находясь в Москве, передумал и пришёл к выводу, что для Ново-Анненского района более актуальна проблема автомобилизации, чем переработка молока.

Решение новой проблемы возлагалось на две грузовые автомашины. Они были по случаю куплены председателем в Москве за двенадцать тысяч четыреста рублей. Там же обе машины были отремонтированы. Если верить счетам, ремонт обошёлся в тридцать семь тысяч рублей.

Артель ахнула, узнав об этих суммах, легших тяжёлым бременем на её плечи.

Вслед за одним горем последовало другое несчастье. Июньской ночью 1947 года была ограблена принадлежащая артели швейная мастерская. К зданию мастерской подъехал грузовик и, до отказа нагруженный, исчез во мраке летней ночи. Он не привлёк внимания ни псов сторожевых, ни старца с берданкой, дежурившего у мастерской.

Старик поклялся христом-богом, что он ничего не видел и не слышал; вызванная за шестьдесят вёрст из города Урюпинска собака-ищейка «ничего официально не обнаружила», и на этом, собственно, следствие было закончено. Уполномоченный уголовного розыска уговаривал обворованных станичников примириться с печальной действительностью.

— Я тоже, как и вы, стал жертвой, дорогие граждане, — сокрушался уполномоченный. — И дёрнуло же меня как раз накануне той самой ночи сдать в мастерскую на перелицовку китель!

Преступление осталось не раскрытым, и преступники не были пойманы, хотя, как утверждают станичники, уполномоченному не надо было быть Шерлоком Холмсом для того, чтобы разыскать и таинственный автомобиль и тех, кто бестрепетной рукой уволок его собственный китель.

Местные жители давно воодушевляют милицию и прокуратуру на более энергичную борьбу с жуликами. К сожалению, усилия граждан не дают должных результатов. Происходит своего рода аномалия: лица, призванные бороться с правонарушителями, уклоняются от этой борьбы. То ли они брезгают общением с такими неприятными субъектами, то ли нехватает у них характера для решительных действий...

Бывает даже так: жулик приведён в камеру следователя, уличён, приперт к стене и должен быть доставлен из камеры следователя в камеру судьи. Но тут его выручают... происшествия в прокурорской канцелярии.

Дело в том, что в этой канцелярии пропадают папки с уголовными делами.

Шестидесят листов было в деле Григория Лаврова, пустившего под откос уже знакомую нам промартель, изобличённого в вопиющей бесхозяйственности, в подделке документов. Лаврову повезло: год тому назад дело его затерялось в прокуратуре.

Старший следователь Кокин членом артели, добивающимся справедливой кары для Лаврова, говорит теперь задумчиво:

— Пожалейте, граждане, свои ноги, не ходите к нам зря, нам с вами делать уже нечего...

До ста листов заполнили показания и документы по делу бывшего председателя артели инвалидов «Красное знамя» Иосифа Бирюкова. Следователь Лазуренко предъявил ему обвинение по одиннадцати пунктам: мошенничество, подделка документов, присвоение материальных ценностей артели и так далее. Бирюков подлежал привлечению к суду по статье уголовного кодекса, предусматривающей тюремное заключение сроком до десяти лет.

— Я, — эпически повествует следователь Лазуренко, — закончил дело, передал его секретарше, секретарша вручила прокурору Алексеенко, прокурор положил дело в стол, стол запереть забыл. Потом хватились — дело пропало...

— Не забежала ли к вам ненароком бурая свинья?
— Вполне возможно, — без малейшего юмора соглашается следователь. — Всякое могло быть.

Исчезло из канцелярии и дело по обвинению бывшего заведующего складом филоновского пункта «Заготзерно» Ильи Кравцова. Даже до прокурора не дошла его папка.

— Где же она?
— Лазуренко передал секретарше...
— А секретарша?
— Секретарша прокурору папки не передала...
— Так вы бы спросили с секретарши!
— Да её у нас уже нет: выбыла на Сахалин...

Следователи беспомощно разводят руками и потупляют свои светлые очи.

— Мы люди маленькие, — оправдывается Лазуренко. — Нам пример должно подавать начальство. Будь начальство смелое, и мы бы ему были подстать. Скажи, товарищ Кокин, кто нам должен подавать пример стояния на страже законности?

— По штату или как?
— Ну, хотя бы по штату.
— Прокурор в первую очередь.

За сим следуют воспоминания о бывших прокурорах в Ново-Анненском районе, завещавших своим помощникам непротивление злу, робость и сугубую осторожность. Представьте, например, такую ночную сцену. Трое жуликов орудуют в прокурорской квартире, отбирая вещички получше и подороже. Хозяин мирно поживает иль притворяется, что спит. Если бы прокурор раздумал сонные вежды, увидел бы он в компании воров-домашников своего собственного сына...

Да, робкие натуры в районной прокуратуре!

Прокуроры любят удить ершей, замечал Чехов. Это замечание может быть адресовано некоторым деятелям уголовного розыска и прокуратуры в Ново-Анненском районе. Одержимые чувством страха перед крупными жуками, эти деятели свою энергию расходуют на мелкую рыбёшку, вроде мальчишки-папиросника или тётки Ониски, поссорившейся с тёткой Гапкой из-за горшка, обожжённого в ту пору, когда Лавров ещё не приступил к своей разрушительной деятельности в злополучной промартели.

...Будь начальство смелое, — и мы бы ему были подстать...
(Слева — юрист 1-го класса Кокин, справа — Лазуренко).

Фото А. УСТИНОВА

И. РЯБОВ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Пушкин сказал об Онегине: «И был глубокий эконом...» В наши дни ту же самую похвалу надлежит переадресовать Г. В. Шилунову, директору Монзенского леспромхоза. Лишь с маленькой поправкой: глубоко экономный хозяйственник.

Только за десять дней февраля заводами и фабриками недополучены от леспромхоза 682 вагона лесоматериалов и 103 вагона дров. Это ли не экономия? Ведь лесоматериалы места не пролежат и в лес не убегут.

Правда, приходится платить железной дороге штрафы за простой вагонов: в прошлом году уплачено 204 тысячи рублей. Но кто ж виноват? Незаконные железнодорожники. Просит леспромхоз 100 вагонов — 100 ему и дают. Нет, чтобы сэкономить и прислать парочку!

Экономного директора сильно печалит расточительность других хозяйственников. Они целыми пачками шлют ему отношения, заявления и жалобы.

«Вы срываете строительство». «Заводу грозит остановка». «Предприятию грозит простой». «Форсируйте отправку».

Директор горестно недоумевает:

— Зачем расходовать попусту столько бумаги?

В самом деле: зачем? Вникать в жалобы ему некогда. Ведь надо же и труд свой эконсмить и время!

Не мешайте занятому человеку.

Вологда.

Н. БРИШ

Уважаемый Крокодил!

Не всем, пожалуй, известно, что в Москве существует прекрасная школа терпения. Это высшее учебное заведение для нетерпеливых помещается на улице Чкалова и называется — для отвода глаз — Комбинатом бытового обслуживания.

Нетерпеливый человек заходит туда, чтобы отдать в чистку свой костюм. Отдаёт. С нетерпением дожидается результатов. Через несколько часов нетерпеливо спрашивает:

— Долго ли ещё нужно ждать? Ведь на костюме всего одно пятнышко!

Ему вежливо отвечают:

— Да нет, недолго. Деньков пять.

И любезно срезают с костюма все пуговицы:

— Вот! Возьмите их.

— Зачем они мне? — удивляется нетерпеливый. — Ведь вы же пришьёте их после чистки?

— Не пришью, — терпеливо сообщает учительница терпения. — Это не моя операция. Но, получив из чистки костюм, вы можете опять дать его нам: для пришивки пуговиц. Деньков через семь пришью. За особую плату, конечно.

Недели через три владелец костюма изъявляет желание пожаловаться заведующему комбинатом. И слышит в ответ:

— Отлучился заведующий. Когда будет? Это нам неизвестно. Зайдите завтра. Или, лучше, денька через два.

Через месяц нетерпеливый человек... Впрочем, нет: он стал терпеливым. Научился.

Москва.

Н. КЛЕЙМЕНОВ

Товарищ Крокодил!

Если соберёшься приехать в Алма-Ату, не вздумай поселиться в гостинице № 4. Да сохрани тебя небо от столь необдуманного поступка!

Дело в том, что гостиница № 4 доведена до такого состояния, что от её стен сами собой отваливаются увесистые куски и под действием известного закона земного притяжения низвергаются на головы неосторожных прохожих. Не желая подвергать себя случайной опасности, многие вынуждены ходить по другой стороне улицы, а заместитель председателя исполкома нашего городского Совета Бабкин и заведующий горкомхозом Боришполь обходят гостиницу за целый квартал. Неужели теперь остаётся ждать, когда здание развалится совсем? Тогда-то Бабкин и Боришполь смело приблизятся к подведомственной им гостинице № 4 и на месте решат вопрос, восстанавливать её или уж строить заново?

К. ХОМЯЧКОВ

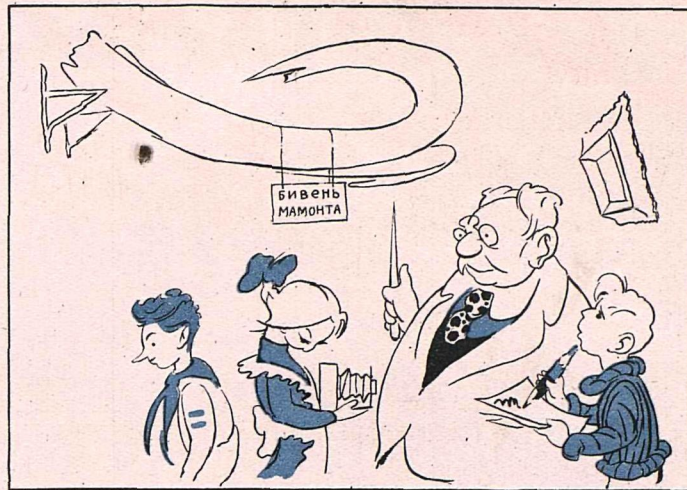
Алма-Ата.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 3 Крокодил напечатал фельетон «Воскобойников и цитрусы». Как сообщает секретарь Аджарского обкома КП(б) Грузии тов. К. Бечвая, факты, изложенные в фельетоне, подтвердились. Бывший министр местной промышленности Аджарской АССР, ныне директор треста общественного питания тов. Кордзая незаконно выдал спекулянту Воскобойникову удостоверение как представителю министерства и распорядился, чтоб Вукнарский эфиромасличный завод отпустил Воскобойникову цитрусовые соки. На этой операции завод понёс убыток свыше 60 тысяч рублей. Директор завода Чикобава также выдал Воскобойникову чистые бланки со штампом завода и со своей подписью.

Решением бюро Аджарского обкома КП(б) Грузии на Кордзая и Чикобава наложены строгие партийные взыскания. Оба сняты с работы.

От организаций г. Харькова, где некоторые доверчивые хозяйственники попались на удочку спекулянта Воскобойникова, сообщение о пригрятых мерах, к сожалению, до сих пор не поступило.

— Это, дети, бивень мамонта, жившего в пятом веке до нашей эры...

— Здесь ещё в 1947 году было пустое место...

— А это, ребята, место, где о нашей школе вспомнили лишь накануне съезда комсомола.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц Москва. Изд. № 234. Подписано к печати 23/III 1949 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 00116. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 766. Тираж 150 000 экз.

Всемирный орган
Обращение восточно-пенсильванского ордена "Прогрессивной молодежи Америки" к молодежи Ленинского Коммунистического Союза молодежи СССР

За прочный демократический мир между народами, против новой войны!

Призыв деятелей народной культуры в защиту мира и междуна-родного сотрудничества в Конгрессе сторонников мира.

Рабочие металлисты поддерживают Союз инвалидов войны

Мы, ученые Советского Союза, присоединяем свои голоса к призыву Конгресса

Мы, деятели советского искусства поддерживают свой голос

Советские шахтеры горячо призывают вас создать Союз инвалидов войны

Мы, советские учителя болгарии и ювнши участвуют в Конгрессе

Французская Ассоциация друзей участвующих в войне присоединяется к призыву

Всеобщая итальянская Конфедерация труда

Славянский Комитет культуры

Женщины Тарнума

Международная организация женщин призывает

Что написано пером...

...того не вырубшь топором.